

Смерть не обернулся, когда двери распахнулись и внутрь ввалились его призыватели с жезлами, угрожающе направленными во все стороны в поисках угрозы. Конечно, угрозы больше не было, ведь Смерть больше не злился и не пробивался сквозь древние заслоны Блэков, едва державшиеся вокруг владений.

Вместо этого он продолжал ухмыляться своей вновь просветленной смертной оболочке, несказанно довольный тем, что они, похоже, достигли взаимопонимания. Конечно, он не сомневался, что его оболочка сможет сопереживать ему - в конце концов, они были одним и тем же, - но все равно это было удивительное чувство для существа, которому не улыбались тысячелетиями.

В наши дни лишь немногие смертные имеют повод улыбнуться Смерти.

Смерть наклонил голову и краем глаза взглянул на толпящихся в дверях смертных: они с весельем наблюдали за тем, как его минутная оплошность в управлении разрушила высоко ценимую Черную библиотеку. Смерть сомневался, что это случится снова. После всех зонов существования у него осталось очень мало пусковых механизмов, но манипуляции и существа, стремящиеся контролировать его, были двумя самыми сильными. Дамблдор имел несчастье стать спусковым крючком для обоих.

Дамблдор, держа на вытянутой руке очень знакомую палочку, обратил все еще мерцающие глаза к своей смертной оболочке. "Гарри? Не хочешь ли ты объяснить, что здесь произошло?"

Смерть проигнорировала все, что его оболочка придумала в качестве оправдания, не сводя глаз с зеркала своего самого разрушительного Халлоу. Его присутствие заставляло задуматься: что произойдет, если кто-то в этой реальности соберет все три Халвы, как это сделал он? Станут ли они Смертью, как он? Смерть сурово нахмурился, воздух вокруг него сгустился от недовольства. Нет. Он не допустит этого. Другая Смерть может попытаться ассимилировать его - так же, как он поступил бы с новой Смертью, - а это было совершенно неприемлемо.

Решив проявить благоразумие и устранить возможную угрозу, Смерть рассеянно призвал в руку палочку Дамблдора. Все головы повернулись в его сторону, и многие палочки последовали за ним, сменив цель. Смерть смотрел на них с презрением. Какая польза от этих палочек? Вместо этого он перевел взгляд на свою только что конфискованную Бузинную палочку (II) и покрутил ее между пальцами.

Глаза Дамблдора теперь точно не мерцали.

"Мой мальчик, - начал Дамблдор, и Смерть поднял голову и посмотрел на него, заставив его заметно замешкаться, прежде чем продолжить. Смерть должен был признать, что у волшебника было невероятно низкое чувство самосохранения. "Не нужно драматизировать ситуацию!" - захихикал мужчина. "Верните мою палочку - это хороший парень - и мы сможем пройти в зал заседаний и завершить наши дела". Выражение лица Дамблдора было твердым, он протянул руку в ожидании, как если бы он был уверен в выполнении.

Смерть сжал пальцы в кулак, и костяшки пальцев треснули от силы хватки. Где-то слева от него вздрогнула его смертная оболочка. На губах Смерти заиграла улыбка, но это не было приятным выражением. Это было обнажение зубов, первобытное объявление войны и насмешливый вызов ничтожному противнику. Кожа на его лице потрескалась от напряжения, глаза налились кровью, черные, как бездна. Так он улыбался тем, чьи души собирался поглотить.

Температура в комнате резко упала, иней покрыл землю вокруг его ног, и дыхание смертных стало похожим на дым. Смерть тисками сжимал свою силу, заставляя ее подчиняться ему, сглаживая заостренные, злобные грани, вспыхнувшие по приказу Дамблдора, и успокаивая ее до тихого рокота. Его аура распустилась вокруг него, словно массивные крылья, принеся с собой тишину кладбища - пустынную, заброшенную, неподвижную. Его смертная оболочка упала на колени, за ней последовали трое остальных; остальные рухнули на пол целиком, глаза их потухли, палочки выпали из безжизненных пальцев.

Один лишь Дамблдор остался стоять на месте: рука по-прежнему вытянута, плоть обесцвечена до белизны, а зрачки в голубых от ужаса радужках - всего лишь булавоочные уколы.

"Твоя палочка, Дамблдор?" тихо прошептала Смерть, проследив чёрными глазами за длиной палочки в его руке. Его оболочка заскулила и опустилась на колени. Бездна вскинула глаза и встретила взглядом с застывшей синевой.

Бужинная палочка растворилась в пепле в его руке, остатки закружились вокруг него, а затем вонзились в кожу. Выражение лица Дамблдора застыло в смеси ярости и страха - это было крайне забавно. Смерть рассмеялась.

"Она никогда не принадлежала тебе, глупый смертный". Смерть приблизилась к застывшему человеку, его сила сметала на своем пути рухнувших смертных, прежде чем он до них добрался. Он навис над Дамблдором, глядя на него с той же ледяной улыбкой, которую он носил с тех пор, как этот дерзкий смертный осмелился приказывать ему. "Я создал эту палочку, чтобы она была непобедимой, чтобы она обладала огромной силой". Улыбка Смерти расширилась, когда понимание медленно пришло к человеку, который в своем высокомерии никогда не задавался вопросом, что именно он осмелился призвать в это царство. "Я создал этот жезл для человека, чье коварство и высокомерие обрекли его на раннюю могилу. Это оружие, омытое кровью, погрязшее в агонии, крещенное в страданиях..." Он раздвинул губы, и в его горле раздался рык. "Но оно принадлежит только своему Хозяину, и я никогда не встречал смертного, столь неподходящего для этого звания, как ты, Альбус Дамблдор". Смерть отступила назад, лицо ее было лишено выражения, а глаза горели, как холодный огонь. "О... и не командуй мной, как будто я одна из твоих марионеток, смертный. За свои попытки я сокрушил более великих людей, чем ты".